

РАДУ ФЛОРЕСКУ КАК ОТЕЦ РОССИЙСКОГО ДРАКУЛОВЕДЕНИЯ

Олег Талмазан

В статье акцентируется внимание на том, что принадлежность авторов (прозаиков, филологов, эссеистов) к определенной культуре во многом обуславливает их трактовку образа Влада Дракулы. Так, англоязычные писатели ориентируются на работы Курта Трептова и Элизабет Миллер. Что касается русских филологов и эссеистов, занимающихся изучением Дракулы, то они в большой мере зависят от взглядов румынского историка Раду Флореску, несмотря на то, что этой теме посвящен фундаментальный труд Я.С. Лурье, опубликованный шестью годами ранее, чем работа Флореску. Прямые отсылки к тексту румынского историка и некритические заимствования у него имеются у М.П. Одесского, Т.А. Михайловой, В.Л. Гопмана, Ф. Морозовой, В.В. Эрлихмана и др. Русские прозаики, такие как Е.В. Артамонова, С.С. Лыжина и В. Задунайский, менее подвержены воздействию оценок Флореску в их трактовках Дракулы, но его влияние и не прямые цитаты из его сочинения заметны и у них. Между тем, работа Флореску вовсе не является научным трудом по истории или же биографией Влада III Басараба. Румынский автор писал свою книгу в Америке и исключительно для американского читателя: ему хотелось, чтобы его сочинение было бестселлером и продавалось так же успешно, как и книга Б. Стокера. С этой целью Флореску выдавал эпизоды из художественных произведений и заведомо вымышленных политических памфлетов за достоверные исторические источники. В результате, однако, произошло нечто невероятное: вымышленный роман о вампирах сначала вызвал целый поток соответствующих произведений массовой культуры, а затем стал оказывать влияние на историков, филологов и профессиональных исследователей.

Ключевые слова: Р. Флореску, образ Дракулы, образ Другого, Влад Цепеш, дракуловедение, Я.С. Лурье.

Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо (Молдова)

The article emphasizes the fact that the cultural affiliation of authors (researchers, prose writers, philologists, essayists) largely determines their interpretation of the image of Vlad Dracula. Thus, English-language authors are mainly guided by the works of Kurt Treptow and Elizabeth Miller. As for the contemporary Russian philologists and essayists studying Dracula, they are largely dependent on the views of the Romanian historian Radu Florescu, despite the fact that this topic is comprehensively covered in the fundamental work of Ya.S. Lurye, published six years earlier than the book of Florescu. It is shown that direct references to the text of the Romanian historian and uncritical borrowings from it are found in the works by M.P. Odessky, T.A. Mikhailova, V.L. Gopman, F. Morozova, V.V. Erlichman, and others. Russian prose writers such as E.V. Artamonova, S.S. Lyzhina and V. Zadunaisky are less influenced by Florescu's assessments in their interpretations of Dracula, but his influence and indirect citations from his book are evident in their works as well. The author of the article stresses that Florescu's work, however, is not a scholarly history or a biography of Vlad III Basarab. The Romanian scholar wrote his book in the USA and exclusively for the American reader: he wanted his work to become as successful a bestseller as that of B. Stoker. To this end, Florescu presented episodes from works of fiction and obviously fictitious political pamphlets as reliable historical sources. The result, however, was incredible: the fictional vampire novel first sparked a flood of similar works of popular culture and then began to influence historians, philologists, and professional researchers. It is concluded that the real image of Dracula differs from that generally accepted in fiction and scientific literature.

Keywords: Radu Florescu, image of Dracula, image of the Other, Vlad Țepeș, Draculology, Yakov Lurye.

Все дело в том, что у каждого есть собственное понятие – обычно извращенное – о средних веках. И только нам, тогдашним монахам, открыта истина.

Умберто Эко

С некоторой долей условности авторов современных произведений о Дракуле можно разделить по отношению к образу героя на «светлых» и «темных». Мы сейчас говорим не о произведениях, где Дракула – это просто имя одного из вампиров, нас интересуют произведения, где есть попытка создать или истолковать образ исторического Владислава III Басараба, даже если его личность интерпретируется своеобразно или в своих целях.

И здесь можно уловить любопытную закономерность: русские прозаики создают, как правило, довольно светлый образ Дракулы (Елена Артамонова [2], Светлана Лыжина [11], Александр Юрченко [28], братья Андреевы [1], Кирилл Бенедиктов [3], Вук Задунайский [6], Злата Фрумоаса [25]); румынские литераторы создают более сложный, иногда неоднозначный образ Влада (Марин Минку [36], Марин Сореску [38], Георгина Виорика Рогоз [37]); тогда как англоязычные (Джин Калогридис [8] и др.) – почти всегда темный. В то же время русские филологи и эссеисты, в отличие от русских прозаиков, обычно трактуют Дракулу как извращенного изверга и мракобеса (Яков Лурье [10], Михаил Одесский [16, 17], Татьяна Михайлова [13], Владимир Гопман [5], Фотина Морозова [15], Вадим Эрлихман [27]).

Можно предположить, что для англоязычных авторов образ Дракулы является образом «чужого» в соответствии с положениями имагологии [18]. Именно образ «чужого» лежит в основе мифологизации Дракулы и ряда других исторических персонажей (Ивана Грозного, Григория Распутина), которые в действительности не превосходили западноевропейских исторических деятелей, скажем, Чезаре Борджиа, Генриха VIII или Екатерину Медичи, в иррациональной жестокости.

Похоже, в своем отечестве нет пророка, но нет и чудовища.

Вот как английский литературный критик Рут Роббинз описывает Трансильванию в статье о романе Брэма Стокера: «География романа “Леди в саване” напомнит читателям о “Дракуле”, потому что действие происходит в Восточной Европе, где-то между Грецией, Албанией и Турцией, – в месте, вообще-то не существующем на реальной карте Европы, лишь по видимости в европейском раю, на самом же деле в краю экзотическом, странном и чуждом законов» [19, с. 60]. Такой же была и читательская рецепция – именно поэтому Брэм Стокер и выбрал для мифологизации Дракулу. Абрахам Стокер был человеком чопорной викторианской эпохи, и роман о вампирах был формой, позволившей ему, не нарушая общественной морали, дать невзыскательному читателю эпизоды эротики, мистики и жестокости.

Использование образа «чужого» объясняет отсутствие светлого образа Дракулы и у современных англоязычных писателей. Исключением является, пожалуй, Крис Хамфрис [26], применивший любопытный

прием – автор не пытается отрицать поступки, приписываемые Владу, но создает ситуации, в которых эти поступки становятся оправданными и даже единственно возможными [23].

Понятно, что румынским авторам, историкам и литераторам, мистическое отношение к Дракуле и Трансильвании не свойственно при любом отношении к личности Дракулы. «Дракула» Б. Стокера был настолько неинтересен румынскому читателю, что впервые был опубликован на румынском языке только в 1990 г. [39], почти через столетие после выхода в свет (разные варианты переводов на русский язык стали появляться в 1902 г.).

Современные русские прозаики склонны создавать «светлые» образы Дракулы, пусть даже несообразные с точки зрения понимания культуры Средневековья. Можно спорить о причинах, но образ «чужого» над ними не довлеет.

Некоторые авторы, среди которых и М. Одесский, почему-то исходят из того, что наиболее жестокие, изуверские казни существовали именно в Восточной Европе. «Его кровавадную изощренность европейцы воспринимали в качестве некоей восточной экзотики, абсолютно неуместной в “цивилизованной” державе» [17, с. 80]. Однако в действительности казни в Восточной Европе не отличались какой-то особой изощренностью. Историки права (А.А. Рожнов [20] и В.В. Момотов [14]) утверждают, что «квалифицированные казни» (различные сложные казни за разные преступления) пришли из Западной Европы, где казни применялись чаще, за большее число нарушений и отличались большим разнообразием. Практика публичных казней в Западной Европе была широко распространена и продолжалась до середины XX в. [21].

Выше мы уже говорили о том, что русские филологи и эссеисты, в отличие от прозаиков, создают негативные образы Дракулы. Это странное, на первый взгляд, обстоятельство объясняется довольно просто. Среди прозаиков и филологов почти нет «дракуловедов» – исследователей со своим собственным взглядом на Дракулу, за исключением разве что Я.С. Лурье и С.С. Лыжиной. Вероятно, поэтому «темные» образы создаются русскими филологами вследствие безоговорочного принятия ими на веру оценки личности Влада III Басараба, данной румынским историком Раду Флореску [30] (в отличие от англоязычных авторов последнего времени, таких как Крис Хамфрис [26], ориентирующихся на Курта Трептова [41] и Елизабет Миллер [35]). Для российских авторов работы Р. Флореску являются, пожалуй, самым авторитетным источником по биографии Влада Дракулы, несмотря на существование фундаментального исследования Я.С. Лурье [10], появившегося шестью годами ранее. Возможно, для русских исследователей весьма важно, что Флореску был румыном и, следовательно, многие обстоятельства должен был понимать глубже, чем иностранцы.

Р. Флореску действительно был румыном, но книгу свою он писал в Америке и для американского читателя: ему хотелось, чтобы его книга продавалась так же успешно, как и книга Б. Стокера. Произошло нечто невероятное: вымышленный роман о вампирах и вызванный им поток

произведений массовой культуры оказал влияние на историков, филологов и профессиональных исследователей.

Существенным обстоятельством было и то, что работы Флореску были доступны на английском языке, а румынская историография не переводилась и оставалась неизвестной и недоступной для русских и западных авторов. Интересно, что российские исследователи и сегодня ничего не знают об информационной войне между румынскими и американскими историками, развернувшейся в 1970-х гг. вокруг фигуры Влада Цепеша. В те годы Р. Флореску и Р. МакНелли утверждали, что румынские коммунисты возвели Влада в ранг национального героя и всячески пытались оправдывать его жестокость [31, с. 220], а партийные историки преуменьшали значение зверств или стремились дать им рациональное объяснение [30, с. 4]. Те же авторы сообщали, что Н. Чаушеску был ярым поклонником Цепеша, а празднование в 1976 г. 500-летия со дня смерти Влада было провозглашено «Годом Дракулы». Британский исследователь Дункан Лайт в статье «Статус Влада Цепеша в коммунистической Румынии: переоценка» [34] не соглашается с таким видением ситуации.

Положительным результатом идеологического противостояния можно считать то, что в эти годы в Румынии вышел ряд произведений историков, прозаиков и драматургов о Дракуле. В 1970 г. вышел первый вариант романа Георгины Виорики Рогоз, в окончательном виде получивший название «Дракулешти» (1977) [37], в 1971 г. в печати появились первые части пьесы Марина Сореску «Третий кол» (1978) [38], в 1973 г. вышел в свет роман Мирчи Лериана «Цепеш» [32], а в 1977 г. были опубликованы книги Корнелиу Леу «Плач Дракулы» [33] и Дана Тэркилэ «Три исторические пьесы» [40]. К сожалению, ни одна работа румынских прозаиков 1970-х гг. о Дракуле так и не была переведена на русский или английский языки. Точно так же, исторические романы русских и англоязычных авторов о Дракуле не были переведены на румынский.

Прямые указания на сочинение Р. Флореску есть у М.П. Одесского, Т.А. Михайловой, В.Л. Гопмана, Ф. Морозовой и других российских исследователей и эссеистов, и его влияние это легко фиксируется в их текстах. Меньше были подвержены воздействию Флореску русские прозаики, такие как Е. Артамонова, С. Лыжина и другие, но не прямые цитаты Флореску заметны и у них.

Приведем в пример Т.А. Михайлову: «Что же произошло и чему мы обязаны появлением самого персонажа и текста о нем? Ответ на этот вопрос содержится в трудах исследователей Р. МакНелли и Р. Флореску, которые приоткрыли, казалось бы, занавес и показали публике истинного монстра, стоящего за строками викторианского романа: Влада Дракулу по прозвищу Цепеш, Прокалыватель, реального валахского господаря XV в., прославившегося не только борьбой с турками, но и поразительной жестокостью как к врагам, так и к собственным подданным» [13, с. 35]. Ф. Морозова в эссе «Дракула и Стокер: двойной портрет в рамке мифа» прямо указывает: «... факты из биографии Влада Цепеша излагаются по книге Флореску и Макнелли» [15, с. 572]. В.Л. Гопман в

«Носферату: судьба мифа» утверждает, что «Дракула был широко известен своей патологической жестокостью» [5, с. 551] и дает ссылку на книгу Р. Флореску и Р. МакНелли.

Между тем, книга Флореску не является трудом по истории или биографией Влада III Басараба. Первое, что при знакомстве с этим исследованием вызывает удивление, – это то, что автор выдает эпизоды из очевидно вымышленных политических памфлетов и художественных произведений за достоверные источники. При этом некоторые фрагменты немецких текстов он объявляет румынскими балладами без ссылок на какие-либо сборники фольклора. Ниже мы будем идентифицировать эти фрагменты по работе А.П. Кашперской [9, с. 135], хотя в некоторых случаях было бы удобнее пользоваться схемой Я. С. Лурье [10, с. 32–33].

Примеров заимствований из немецких памфлетов достаточно много, ограничимся короткими цитатами:

«Как рассказывает народная баллада, став господаром весной 1456 г., Дракула пригласил в Тырговиштский дворец несколько сот самых знатных и влиятельных бояр» [24, с. 604] (этот эпизод у А.П. Кашперской назван «О том, как Дракула спрашивал придворных, сколько государей они помнят»).

«По другому преданию, один из бояр Дракулы зажал нос, видимо, из-за зловония, сопутствовавшего бойне. Дракула со свойственным ему извращенным остроумием немедленно приказал слугам посадить на кол и этого привереда, но более высокий, чтобы боярина во время его агонии не раздражал запах крови и трупов» [24, с. 599] (у А.П. Кашперской – «О том, как Дракула завтракал среди посаженных на кол»).

В главе «Румынские предания» Флореску приводит два эпизода: «Иностранный купец» [24, с. 637] и «Сожжение нищих» [24, с. 638] (у А.П. Кашперской эти эпизоды называются «О купцах на рынке», у Я.С. Лурье – «Испытание купца» и «О бедняках, которых Дракула велел сжечь»).

Было бы замечательно, если бы действительно существовали и были записаны румынские баллады, близкие по содержанию к немецким памфлетам, но, к сожалению, это не более чем вымысел автора «исторического исследования». Флореску же упорно утверждает обратное: «Однако нам повезло – удалось разыскать множество румынских преданий, прославляющих Дракулу и других национальных героев. Пожалуй, румынский фольклор можно считать более объективным источником для воспроизведения исторической истины по сравнению с иностранными памфлетами, сосредоточенными исключительно на описаниях ужасов» [24, с. 611].

Некоторые фрагменты используются и вовсе без указания источника: «Другая любовница умерла при таинственных обстоятельствах, у нее были вырезаны половые органы» [24, с. 607] («О любовнице Дракулы» у А.П. Кашперской).

Трудно сказать, что больше повлияло на Флореску – идеологические разногласия или желание повторить коммерческий успех стокеровского «Дракулы», но он относится к Владиславу III Басарабу заметно хуже других историков: Дракула у него «извращенный, изворотливый, ковар-

ный, аморальный, подозрительный, мстительный, беспощадный» и прочее. Флореску подробно описывает казни Дракулы [22, с. 593], хотя достоверных свидетельств их в исторических источниках нет: во времена Влада в Валахии даже не было летописания.

Здесь можно согласиться с С.С. Лыжиной: «Можно только удивляться, насколько серьезно (в буквальном смысле серьезно) историки относятся к памфлетам о Дракуле, ведь дату казни бояр историки “установили” по памфлету 1463 года и по поэме Бехайма, хотя эти тексты являются даже не историческими сочинениями, а литературными произведениями» [12].

Помимо немецких текстов, Флореску использует в качестве источника «Сказание о Дракуле воеводе», которое он объявляет «донесением» русского посла [24, с. 620]. Уровень познаний румынского автора в истории России и Молдавии настолько невысок, что он называет мужем Елены Волошанки ее сына Дмитрия и этот брак считает результатом мифического перехода Влада в католицизм: «Тогда великий князь московский Иван III посчитал необходимым укрепить родственными узами связь Молдовы с православным миром. В 1463 г. в Яссах был заключен брак украинской княжны Евдокии и молдавского родственника Дракулы – Стефана. Для упрочения нового православного союза дочь Стефана Елена вышла замуж за Дмитрия, наследника русского трона» [24, с. 622]. На самом же деле Елена Стефановна вышла замуж за княжича Ивана Ивановича Молодого в 1483 г., когда Дракулы уже не было в живых. А княжна Евдокия – мать Елены Стефановны.

К сожалению, Флореску не понимает (или изображает непонимание), что с переходом в католицизм Влад потерял бы права на валашский престол, что не было нужно ни ему, ни венгерскому королю. Это заблуждение перешло в сочинения почти всех русских авторов, которые пользовались книгой Флореску, возможно, потому, что он говорит об этом многократно и строит на этом утверждении сюжет «биографии»: «Переход Дракулы в католицизм вызвал гнев православного мира, и это вполне понятно во времена, когда вопрос о вероисповедании был связан с национальной принадлежностью. Православному миру XV в. угрожал не только ислам, но и наступление католических крестоносцев» [24, с. 622]. Но где, в каких источниках есть упоминание о том, что православный мир хоть как-то отреагировал на эту вымышленную опасность? Каким образом в Средние века вероисповедание было связано с национальной принадлежностью? Для человека Средневековья национальность имела третьестепенное значение, важнее было правильное вероисповедание и принадлежность к определенному сословию. «Он был жестоким палачом, впадавшим в набожность, чтобы облегчить совесть, и вместе с тем поразительно современным государственным деятелем националистского толка, способным всегда оправдать свои поступки интересами государства» [24, с. 599]. Румынский ученый явно не знаком или сознательно игнорирует исследования культуры Средневековья: национализм современного толка был невозможен в средневековой Европе.

Несколько эпизодов из антиутопии Ф.В. Курицына использованы были Флореску в качестве источников для биографии Дракулы: это вер-

сия смерти Дракулы [24, с. 625], притча о двух монахах [24, с. 606], эпизод с золотым колом [24, с. 607] и эпизод с казнью птиц и мышей [24, с. 621], который призван был быть доказательством жестокости Влада: «Эти эпизоды, поведанные русским послом, – еще одно свидетельство жестокости Дракулы, его жажды крови, видимо, столь сильной и навязчивой, что он не мог совладать с нею даже в тюремной камере».

Притчу о двух монахах Флореску передает по «Сказанию» [24, с. 606], хотя похожая притча есть в немецких памфлетах – например, в «О после, сказавшем Дракуле правду о его жестокости» (по А.П. Кашперской), однако притча Ф. Курицына отличается идейно и текстуально. Любопытно, что Флореску – один из немногих исследователей, кто верно интерпретирует притчу Курицына: «Дракула, в данном случае никак не ожидавший провозглашения доктрины божественного права, пощадил монаха» [24, с. 606].

Еще один эпизод «Сказания» Флореску использует даже дважды, сначала выдавая его за венгерский фольклор: «Существует местное предание о жестокой смерти некоего венгерского капитана, тайком проникшего в дом Дракулы, который, обнаружив непрошеного гостя, якобы отрубил ему голову» [24, с. 597]; «Русский посол пишет еще об одном случае: Дракула сам свершил правосудие, убив солдата, проникшего к нему в дом» [24, с. 624].

Зачинщиком пропагандистской кампании против Влада исследователь считает не его соперника – воеводу Дана III Басараба, а выдуманного М. Бехаймом [4] монаха Якоба: «Возможно, один из монахов монастыря Горион – звали его Иаков – и был автором найденной позднее в Швейцарии, в Сен-Галленском монастыре, рукописи – старейшего документа (1462) антидракуловской кампании, которая произвела такое неизгладимое впечатление на германоязычную Европу XV в.» [24, с. 608]. О письме воеводы Дана III к Матвею Корвину [21] Р. Флореску, похоже, не знает.

В Германии XV в. не было городов с населением более 25000 человек, а для села это совершенно невероятное количество людей даже сегодня; проще говоря, это преувеличение лежит на совести М. Бехайма. Но Флореску это не останавливает: «Ныне трудно точно восстановить статистику, но, вполне вероятно, около тридцати тысяч человек было убито в Алмаше утром 24 августа 1460 г. в День святого Варфоломея – больше, чем погибло в Варфоломеевскую ночь в Париже век спустя» [24, с. 598].

До сих пор мы говорили о том, что румынский исследователь выдавал за исторические источники разного рода сочинения о Дракуле. Но есть и сведения, которые выдумал он сам. Например, читаем: «По рассказам турецких надсмотрщиков, Дракула, в отличие от своего необычайно послушного брата, был непокорен, хитер, коварен, груб; турки его побаивались» [24, с. 593]. Кому же об этом рассказали турецкие надсмотрщики? Или далее: «Там, находясь в замке Хуньяди в Хунедоаре, Дракула и Стефан дали друг другу слово: тот, кто из них первым взойдет на княжеский трон, поможет другому получить власть» [24, с. 610]. Интересно, кто же мог это слышать?

Среди прочего Флореску вспоминает эпизод, известный как бродячий сюжет, по А.П. Кашперской – «О том, как Дракула велел прибить послам шапки к головам»: «В тронном зале произошла история, упоминаемая почти во всех рассказах о Дракуле: послы турецкого султана, прибывшие к нему с официальной миссией, отказались снять свои чалмы. Дракула, болезненно чувствительный к любому проявлению неуважения к своей особе, тут же распорядился гвоздями прибить чалмы к головам послов. Турки агонизировали в лужах крови прямо у подножия трона» [24, с. 605]. Решительно непонятно – откуда исследователю известно, где были лужи крови?

Флореску долго и подробно описывает казни Дракулы, хотя никаких документов об этом не осталось. Описания казней есть в немецких текстах, но фантазии М. Бехайма заметно отличаются от фантазий Флореску: «О преступлениях Дракулы, его изощренной жестокости следует сказать отдельно. Сажание на кол – едва ли новый и оригинальный вид пыток – его любимый способ умерщвления человека. Обычно ноги жертвы привязывали к двум лошадям и аккуратно насаживали человека на кол – так, чтобы смерть не наступала мгновенно... Иногда Дракула приказывал своим палачам не заострять, а закруглять концы колов, чтобы жертва не умирала от быстрой потери крови. Мгновенная смерть лишила бы его удовольствия наблюдать агонию своих жертв. Пытка, как правило, длилась несколько часов, иногда – несколько дней... Бывало, на кол сажали и вверх ногами; иногда же кол вбивали в сердце или в живот, а гвозди – в голову, увечивали конечности, ослепляли, душили, отрезали носы, уши, гениталии, скальпировали, варили заживо, сдирали кожу, оставляя на солнцепеке или под дождем на растерзание диким зверям. Чудовищная изобретательность Дракулы вполне могла послужить источником вдохновения для маркиза де Сада, которому, несомненно, были известны его преступления» [24, с. 598]. Увы, это «чудовищная изобретательность» автора, а не персонажа.

Доверившись измышлениям Флореску, сразу несколько прозаиков (С. Лыжина, Е. Артамонова, В. Задунайский и К. Хамфрис) рассказали о рыцарском поединке между Дракулой и Владиславом II, которого в реальности не было: «В середине июля, в то самое время, когда турки и войска Хуньяди были связаны столкновениями в Белграде, Дракула вступил в бой с Владиславом II где-то возле Тырговиште. Он получил удовлетворение, убив своего смертного врага и убийцу отца в рукопашной схватке» [31, р.106].

Интересно, что Флореску, как и авторы немецких текстов, не называет Влада по имени. В то же время он называет по именам его братьев – Мирчу, Раду, Влада Монаха; хотя любого из потомков Мирчи Старого можно было назвать Дракулой, эту ветвь Басарабов называли Дракулешти в отличие от потомков Дана I – Данешти.

Есть у Флореску и фактологические ошибки: «...умер император Константин Палеолог, при дворе которого Дракула, вполне вероятно, был пажом в 1430 году» [24, с. 596]. Известно, что Влад родился позже 1428 г. и никак не мог быть пажом в 1430 г.

Российский исследователь М.П. Одесский, подобно Флореску и многим другим современным авторам, не понимает, что после перехода в католицизм Влад не мог претендовать на престол Валахии: «Французский король Генрих IV говорил, что Париж стоит мессы – Дракула ценой перехода в католичество обеспечил себе свободу» [16, с. 8]. «Месса» тут взята из книги Флореску: «Для Дракулы, православного по семейной традиции, вопрос об обращении в католичество, неизбежный в брачном контракте, не был особой проблемой. Он понимал, что трон валашского князя, как непереносимое следствие его венгерского брака, стоил католической мессы» [24, с. 622].

Неточности и поверхностность в трудах исследователя влекут за собой серьезные последствия, поскольку работа ученого, в отличие от произведения беллетриста, воспринимается как историческое исследование. Позволим себе привести два фрагмента из статьи российского филолога В.Л. Гопмана, которые фактически являются цитатами из М.П. Одесского, находящегося под влиянием Флореску: «Однако, несмотря на все совершенные им зверства, вампиром Дракула не был – скорее всего, дело в том, что в Средние века вампиром в странах нынешней Восточной Европы называли не только того, кто пил кровь, но и вообще колдуна-чернокнижника, заключившего союз с дьяволом» [5, с. 551]; «Хотя в древних сочинениях слово не произнесено, современники явно считали валашского воеводу злокозненным чернокнижником и вампиром. Это нашло выражение в имени, точнее – прозвище: Дракула» [16, с. 10]; «Дракула был широко известен своей патологической жестокостью, проявлявшейся по отношению к представителям без исключения всех народов и конфессий – христианам, мусульманам, цыганам (всего в его правление было казнено, как считают различные историки, от 40 до 100 тысяч человек). По его приказу рубили голову, с живых сдирали кожу, принуждали к людоедству, варили заживо, сжигали, вспарывали животы. Но особенно он любил сажать на кол, потому-то его так и называли – Влад Цепеш, Влад Сажатель-На-Кол» [5, с. 551]; «Но нет – даже в ту мрачноватую эпоху Влад Дракула выделялся патологической кровожадностью. Врагов, союзников, подданных он обезглавливал, сжигал, сдирали кожу, принуждал к людоедству, варил заживо, вспарывал животы. Особенно преуспел в сажании на кол. В зависимости от социального статуса жертвы колы различались по длине, диаметру, цвету, из них составлялись причудливые инсталляции – “сады пыток”, где “взыскательный художник” пировал на досуге. Так и запомнился Влад соотечественникам – с прозвищем Цепеш (букв. “Сажатель-На-Кол”)» [16, с. 9]. Здесь явно присутствует непрямая цитата из Флореску: «Существовали различные формы обескровливания человека в зависимости от возраста, социального положения или пола. В истории Румынии Дракула по сей день известен как Влад Цепеш (Сажатель-На-Кол), хотя современники называли его Дракулой» [24, с. 598].

Склонность М.П. Одесского видеть в образе Дракулы изуверскую жестокость и «вампиризм», как нам кажется, вызвана отчасти коммерческими причинами (желанием соответствовать потоку массовой культуры), отчасти некритическим отношением к аналогичным неточностям

Флореску. Помимо Флореску, Одесский ссылается на Михая Казаку [7], который также не благоволил Дракуле и сравнивает его с Николае Чаушеску (Я. Лурье сравнивал Дракулу с Иваном Грозным). Как мы видим, имеют значение и политические взгляды авторов, и недостаточное понимание ими культуры Средневековья.

Об особенностях сознания человека Средневековья довольно много писали медиевисты и культурологи начиная с первой четверти XX в. Однако историки, занимающиеся Дракулой, а за ними филологи и прозаики по сей день пытаются мерить поступки людей прошлого собственными представлениями о морали и правильном общественном устройстве.

Справедливости ради надо сказать, что Флореску написал именно такую книгу, какая была востребована. Ведь более академические и сдержанные по отношению к Дракуле книги Я. Лурье и Ш. Андрееску [29] широкой известностью не пользуются.

Литература

1. Андреев А., Андреев М. Хочу в Румынию. Подлинная история Влада Цепеша Дракулы. М.: Алгоритм, 2016.
2. Артамонова Е.В. Исповедь Дракулы. М.: Спорт и культура, 2011.
3. Бенедиктов К., Бурносков Ю. Балканы. Дракула. М.: АСТ, 2014.
4. Бехайм М. Дракул-воевода // Стокер Б. Дракула. М.: Энигма, 2005. С. 501–536.
5. Гопман В.Л. Носферату: судьба мифа // Стокер Б. Дракула. М.: Энигма, 2005. С. 547–566.
6. Задунайский В. Сказание о господре Владе и Ордене Дракона // Задунайский В. Балканский венец. М.: Эксмо, 2012. С. 43–83.
7. Казаку М. Дракула. М.: Этерна Палимпсест, 2011.
8. Калогридис Дж. Договор с вампиром. М.: Эксмо, 2006.
9. Кацперская А.П. Эволюция языка и жанра в немецких текстах XV века о валахском князе Владе III. М.: МГУ, 2015.
10. Лурье Я.С. Повесть о Дракуле. М.; Л.: Наука, 1964.
11. Лыжина С. Время Дракона. М.: Вече, 2018.
12. Лыжина С.С. Вся правда про «казнь после пира», или «кровавую Пасху» // Самиздат. URL: http://samlib.ru/l/lyzhina_s_s/dracula_ziznvzrosl_1456_1462_kazn.shtml.
13. Михайлова Т.А. Абрахам Стокер: лаборатория вампиризма // Стокер Б. Леди в саване. М.: Эксмо, 2021. С. 34–56.
14. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2003.
15. Морозова Ф. Дракула и Стокер: двойной портрет в рамке мифа // Стокер Б. Дракула. М.: Энигма, 2005. С. 566–590.
16. Одесский М.П. Явление вампира // Стокер Б. Дракула. М.: Энигма, 2005. С. 7–56.
17. Одесский М.П. Древнерусское «Сказание о воеводе Дракуле» и комментарии // Михайлова Т.А., Одесский М.П. Граф Дракула. Опыт описания. М.: ОГИ, 2009. С. 66–92.
18. Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.
19. Роббинз Р. Предисловие // Стокер Б. Леди в саване. М.: Эксмо, 2012. С. 60–69.

20. Рожнов А.А. Смертная казнь в Московском государстве по Уложению 1649 года и законодательству второй половины XVII // Российский юридический журнал. 2008. № 1. С. 42–59.
21. Талмазан О.Н. Авторский вымысел в Сказании о Дракуле воеводе // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. № 1. С. 151–176.
22. Талмазан О.Н. Притча о двух монахах в «Сказании о Дракуле воеводе» // Идентичность на перекрестке культур: язык, литература, образование. СПб.: Алетейя, 2023. С. 41–53.
23. Талмазан О.Н. Авторская позиция и проблематика в романе Криса Хамфриса «Дракула, последняя исповедь» // Studia Universitatis Moldaviae. 2024. № 4. С. 164–168.
24. Флореску Р., МакНелли Р. В поисках Дракулы // Стокер Б. Дракула. М.: Энигма, 2005. С. 590–629.
25. Фрумоаса З. Возлюбленный брат мой // hStor. URL: <https://hstor.ru/stories/vozlyublennyy-brat-moy-creerupasta>.
26. Хамфрис К. Дракула. Последняя исповедь. М.: Эксмо, 2010.
27. Эрлихман В.В. Дракула. М.: Молодая гвардия, 2020.
28. Юрченко А. Федор Курицын. Повесть о Дракуле. Одесса: Оптимум, 2010.
29. Andreescu Ș. Vlad Țepeș (Dracula): Între legendă și adevăr istoric. București: Editura Minerva, 1976.
30. Florescu R., McNally R. In Search of Dracula. The History of Dracula and Vampires. NY: Houghton Mifflin Company, 1970.
31. Florescu R., McNally R. Dracula, Prince of Many Faces: His Life and Times. Boston: Little, Brown and Company, 1989.
32. Lerian M. Țepeș. București: Cartea românească, 1973.
33. Leu C. Plângerea lui Dracula. București: Cartea românească, 1977.
34. Light D. The Status of Vlad Tepes in Communist Romania: A Reassessment // Journal of Dracula Studies. 2007. Vol. 9. No. 1. URL: <https://research.library.kutztown.edu/dracula-studies/vol9/iss1/2>.
35. Miller E. Dracula: Sense & Nonsense. L: Desert Island Books, 2000.
36. Mincu M. Jurnalul lui Dracula. Iași: Polirom, 2004.
37. Rogoz G.V. Draculești. București: Albatros, 1977.
38. Sorescu M. A treia teapa // Teatru. București: Editura Minerva, 2006.
39. Stoker B. Dracula. Traducere de Barbu Cioculescu și Ileana Verzea. București: Editura Univers, 1990.
40. Tărchilă D. Trei piese istorice. București: Editura Eminescu, 1977.
41. Treptow K. Vlad III: The Life and Times of the Historical Dracula. Portland, Oregon: The Center of Romanian Studies, 2000.

Talmazan, Oleg N. Radu Florescu as the father of Russian Draculology

References

1. Andreev, A., & Andreev, M. (2016), *Khochu v Rumyniyu. Podlinnaya istoriya Vlada Tsepesha Drakuly* [I Want to Go to Romania: The True Story of Vlad the Impaler Dracula], Algoritm, Moscow (in Russian).
2. Artamonova, E.V. (2011), *Ispoved Drakuly* [Confession of Dracula], Sport i Kultura, Moscow (in Russian).

3. Benediktov, K., & Burnosov, Yu. (2014), *Balkany. Drakula* [Balkans. Dracula], AST, Moscow (in Russian).
4. Behaim, M. (2005), Dracula the Warlord, in: Stoker, B., *Drakula* [Dracula], Enigma, Moscow, pp. 501–536 (in Russian).
5. Gopman, V.L. (2005), Nosferatu: the fate of a myth, in: Stoker, B., *Drakula* [Dracula], Enigma, Moscow, pp. 547–566 (in Russian).
6. Zadunaisky, V. (2012), The tale of Lord Vlad and the Order of the Dragon, in: Zadunaisky, V. *Balkanskiy venets* [Balkan Crown], Eksmo, Moscow, pp. 43–83 (in Russian).
7. Kazaku, M. (2011), *Drakula* [Dracula], Eterna Palimpsest, Moscow (in Russian).
8. Kalogridis, J. (2006), *Dogovor s vampirom* [Covenant with the Vampire], Eksmo, Moscow (in Russian).
9. Kashperskaya, A.P. (2015), *Evolutsiya yazyka i zhanra v nemetskih tekstakh XV veka o valashskom knyaze Vlode III* [The evolution of language and genre in 15th-century German texts about the Wallachian prince Vlad III], MSU, Moscow (in Russian).
10. Lurye, Ya.S. (1964), *Povest o Drakule* [The Tale of Dracula], Nauka, Leningrad, Moscow (in Russian).
11. Lyzhina, S. (2018), *Vremya Drakona* [Time of the Dragon], Veche, Moscow (in Russian).
12. Lyzhina, S.S. (2019), The whole truth about the “execution after the feast”, or “bloody Easter”, *Samizdat*, URL: http://samlib.ru/l/lyzhina_s_s/dracula_ziznvzros1_1456_1462_kazn.shtml (in Russian).
13. Mikhaylova, T.A. (2021), Abraham Stoker: the vampire laboratory, in: Stoker, B., *Ledi v savane* [The Lady in the Shroud], Eksmo, Moscow, pp. 34–56 (in Russian).
14. Momotov, V.V. (2003), *Formirovaniye russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv.* [Formation of Russian Medieval Law in the 9th–14th Centuries], ZERTSALO-M, Moscow (in Russian).
15. Morozova, F. (2005), Dracula and Stoker: a double portrait in the frame of myth, in: Stoker, B., *Drakula* [Dracula], Enigma, Moscow, pp. 566–590 (in Russian).
16. Odessky, M.P. (2005), The appearance of the vampire, in: Stoker, B., *Drakula* [Dracula], Enigma, Moscow, pp. 7–56 (in Russian).
17. Odessky, M.P. (2009), The Old Russian “Tale of Voivode Dracula” and commentary, in: Mikhaylova, T.A., & Odessky, M.P., *Graf Drakula. Opyt opisaniya* [Count Dracula: A Description], OGI, Moscow, pp. 66–92 (in Russian).
18. Oshchepkov, A.R. (2010), Imagology, *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no. 1, pp. 251–253 (in Russian).
19. Robbins, R. (2012), Preface, in: Stoker, B., *Ledi v savane* [The Lady in the Shroud], Eksmo, Moscow, pp. 60–69 (in Russian).
20. Rozhnov, A.A. (2008), The death penalty in the Moscow state according to the Code of 1649 and the legislation of the second half of the 17th century, *Rossiyskiy yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 42–59 (in Russian).
21. Talmazan, O.N. (2018), Author’s fiction in “The Legend of Dracula the Voivode”, *Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for Studying Russian Philosophy*, no. 1, pp. 151–176 (in Russian).
22. Talmazan, O.N. (2023), The parable of the two monks in “The Legend of Dracula the Voivode”, in: *Identichnost na perekrestke kultur: yazyk, literatura, obrazovaniye* [Identity at the Crossroads of Cultures: Language, Literature, Education], Aletheia, St. Petersburg, pp. 41–53 (in Russian).

23. Talmazan, O.N. (2024), The author's position and problems in the novel "Dracula: The Last Confession" by Chris Humphries, *Studia Universitatis Moldaviae*, no. 4, pp. 164–168 (in Russian).
24. Florescu, R., & McNally, R. (2005), In search of Dracula, in: Stoker, B., *Drakula* [Dracula], Enigma, Moscow, pp. 590–629 (in Russian).
25. Frumoasa, Z. My beloved brother, in: *hStor*, URL: <https://hstor.ru/stories/vozlyublennyy-brat-moy-creepypasta> (in Russian).
26. Humphreys, C. (2010), *Drakula. Poslednyaya ispoved* [Vlad: The Last Confession], Eksmo, Moscow (in Russian).
27. Erlikhman, V.V. (2020), *Drakula* [Dracula], Molodaya gvardiya, Moscow (in Russian).
28. Yurchenko, A. (2010), *Fedor Kuritsyn. Povest o Drakule* [Fedor Kuritsyn. The Tale of Dracula], Optimum, Odessa (in Russian).
29. Andreescu, Ș. (1976), *Vlad Țepeș (Dracula): Între legendă și adevăr istoric*, Editura Minerva, București.
30. Florescu, R., & McNally, R. (1970), *In Search of Dracula. The History of Dracula and Vampires*, Houghton Mifflin Company, New York.
31. Florescu, R., & McNally, R. (1989), *Dracula, Prince of Many Faces: His Life and Times*, Little, Brown and Company, Boston.
32. Lerian, M. (1973), *Țepeș*, Cartea românească, București.
33. Leu, C. (1977), *Plângerea lui Dracula*, Cartea românească, București.
34. Light, D. (2007), The status of Vlad Tepes in Communist Romania: a reassessment, *Journal of Dracula Studies*, vol. 9, no. 1, URL: <https://research.library.kutztown.edu/dracula-studies/vol9/iss1/2>.
35. Miller, E. (2000), *Dracula: Sense & Nonsense*, Desert Island Books, London.
36. Mincu, M. (2004), *Jurnalul lui Dracula*, Polirom, Iași.
37. Rogoz, G.V. (1977), *Draculești*, Albatros, București.
38. Sorescu, M. (2006), A treia teapa, in: *Teatru*, Editura Minerva, București.
39. Stoker, B. (1990), *Dracula. Traducere de Barbu Cioculescu și Ileana Verzea*, Editura Univers, București.
40. Tărchilă, D. (1977), *Trei piese istorice*, Editura Eminescu, București.
41. Treptow, K. (2000), *Vlad III: The Life and Times of the Historical Dracula*, The Center of Romanian Studies, Portland, Oregon.